

Научная статья / Research Article

УДК 271.2(091) (571.1)“16/19”

DOI: 10.36718/2500-1825-2024-3-129-140

Елена Александровна Шушканова

Сибирский государственный университет науки и технологий имени академика

М.Ф. Решетнева, Красноярск, Россия

shushkanovae@yandex.ru

ИНСТИТУТЫ СЕЛЬСКОЙ ДЕМОКРАТИИ В ЕНИСЕЙСКОЙ СИБИРИ К НАЧАЛУ XX ВЕКА

Специфической чертой российского государства традиционно называют историческую устойчивость сельской общины. В отличие от Западной Европы, где коллективное землевладение трансформировалось в частновладельческое уже в Средние века, в России община сохранялась вплоть до XX века. Потенциал сельской общины наиболее полно реализовался в Сибири, где в первую очередь, благодаря отсутствию крепостного права, община сохраняла высокий уровень самостоятельности и предприимчивости. Во второй половине XIX века общинная демократия дополнилась близким к ней институтом волостного самоуправления. Кроме того, важным элементом жизни сибирской деревни являлись приходы Русской православной церкви, которые функционировали в едином формате организационных и уставных норм с сельской общиной, составляя с ней неразрывное целое. Цель исследования – рассмотрение указанных органов сельской власти, как своеобразных институтов народного суверенитета. В статье показаны демократические принципы функционирования сельского мира в различных сферах общественной жизни: хозяйственной практике, несении общегосударственных обязанностей, судопроизводстве, духовной и культурной жизни. Своеобразным отражением народного волеизъявления стали традиции проведения православных праздников в сибирских селах. Источниковой базой исследования стали документы и материалы Государственного архива Красноярского края, прежде всего, протоколы сельских и волостных сходов, а также ревизионные отчеты губернских властей. Изучение демократических институтов крестьянского мира представляет интерес с точки зрения понимания границ общинного самоуправления в системе общественных связей и вероятности оценки сельского мира, как своеобразного института гражданского общества в российской истории.

Ключевые слова: сельская поземельная община, Енисейская губерния, демократия, крестьянство, волостное правление, волостной суд, сельский приход Русской православной церкви

Для цитирования: Шушканова Е.А. Институты сельской демократии в Енисейской Сибири к началу XX века // Социально-экономический и гуманитарный журнал. 2024. № 3. С. 129–140. DOI: 10.36718/2500-1825-2024-3-129-140.

Elena Aleksandrovna Shushkanova

Reshetnev Siberian State University of Science and Technology, Krasnoyarsk, Russia

shushkanovae@yandex.ru

**RURAL DEMOCRACY INSTITUTIONS IN YENISEI SIBERIA BY
THE BEGINNING OF THE TWENTIETH CENTURY**

A specific feature of the Russian state is traditionally called the historical stability of the rural community. Unlike Western Europe, where collective land ownership was transformed into private ownership already in the Middle Ages, in Russia the community survived until the 20th century. The potential of the rural community was most fully realized in Siberia, where, first of all, due to the absence of serfdom, the community maintained a high level of initiative and enterprise. In the second half of the 19th century, communal democracy was supplemented by a similar institution of volost self-government. In addition, an important element of the life of the Siberian village were the parishes of the Russian Orthodox Church, which functioned in a single format of organizational and statutory norms with the rural community, forming an inseparable whole with it. The purpose of the study is to consider the specified rural government bodies as unique institutions of popular sovereignty. The paper shows the democratic principles of functioning of the rural world in various spheres of public life: economic practice, performance of national duties, legal proceedings, spiritual and cultural life. The traditions of holding Orthodox holidays in Siberian villages became a kind of reflection of the expression of the people's will. The source base of the study were documents and materials of the State Archive of the Krasnoyarsk Region, first of all, the minutes of village and volost meetings, as well as audit reports of provincial authorities. The study of democratic institutions of the peasant world is of interest from the point of view of understanding the boundaries of communal self-government in the system of public relations and the likelihood of assessing the rural world as a kind of institution of civilian society in Russian history.

Keywords: rural land community, Yenisei province, democracy, peasantry, volost government, volost court, rural parish of the Russian Orthodox Church

For citation: Shushkanova E.A. Rural democracy institutions in Yenisei Siberia by the beginning of the twentieth century // Socio-economic and humanitarian journal. 2024. № 3. S. 129–140. DOI: 10.36718/2500-1825-2024-3-129-140.

Введение. Исторический опыт свидетельствует, что в силу многих причин демократия, как форма государственного устройства, не стала в России политическим мейнстримом. Со времени становления Московского государства в XV веке и до настоящего времени модель российской власти почти не отклонялась от централизованного и имперского формата. Однако верховная государственная власть является не единственной формой народовластия. Существует уровень власти, где также может быть реализован принцип прямого волеизъявления народа, – местное самоуправление. В данном исследовании рассматриваются институты сельской демократии, кото-

рые сохранялись в досоветской России даже в условиях сверхцентрализованного государства, – это сельская поземельная община и волостное самоуправление.

Особый интерес с позиции понимания механизма взаимодействия государственной власти и власти региональной, а также с точки зрения перспективы развития местного самоуправления в условиях государства имперского типа, представляет исторический опыт Сибири. Рассмотрение проблемы сельской демократии именно на материалах Сибирского региона вызвано рядом причин. Во-первых, Сибирь не знала помещичьего землевладения и крепостного права, а потому определяющую роль в жизни де-

ревни имела сельская община. Кроме того, внутриобщинная организация за Уралом имела коренные отличия от ее аналога в Европейской России, на которые единодушно обращали внимания исследователи и в досоветский период [10], и после него. Красноярский историк Б.Е. Андюсев выделил главные отличия: «Высочайший статус личного труда, индивидуализма, чувства собственности и свободы породили в Сибири возможность продажи, аренды, наследования пашенных земель в общине. Община осуществляла совместное пользование угодьями: пастбищами, покосами, лесом, кедровниками, рыболовными "местами"» [7, с. 45].

Во-вторых, общинная организация в России была достаточно неоднородной. Как отмечал досоветский ученый-экономист А.А. Чупров, «более тщательное наблюдение за нынешним состоянием общины в России показывает, что она представляет собой пеструю картину. Существуют все ее формы – от зародышевой до высшей, а некоторые общины находятся в состоянии распада» [13, с. 139]. В немалой степени именно поэтому изучение общины вызывало в общественной мысли острые дискуссии. А.А. Чупров считал, «вряд ли есть какая-либо иная проблема экономической политики, которая обсуждается в стране столь же упорно и пылко, как выбор между упразднением и сохранением общины» [13, с. 139]. Но именно разные вариации общинной жизни на территории российского государства определяли ценность местной демократии, ее способность отражать региональную идентичность и традиции.

Хронологические рамки исследования – это главным образом вторая половина XIX – начало XX века. Хотя неизбежно обращение к истории крестьянского самоуправления более раннего периода (фактически от колонизации Сибири), наибольший интерес с точки зрения заявленной проблемы представляет время после либеральных реформ Александра II, справедливо получившее в ис-

торической литературе название «великих реформ».

Представляется также, что в России после 1991 г., в силу различных факторов, нарастал общественный запрос на развитие демократических институтов. При этом социокультурные и политические особенности России, пространственно-территориальная уникальность страны не оставляют сомнений, что модель централизации сохраняет свою актуальность. Это делает, на наш взгляд, исследование взаимодействия централизованного государства с низовой демократической властью весьма перспективной. Кроме того, изучение низовых демократических институтов в России ставит под сомнение имеющий хождение тезис об отсутствии у российского народа интереса к демократии и доминировании в нем патерналистской ментальности.

Цель исследования. Рассмотреть с точки зрения демократических принципов общественного управления функции и роль низовых институтов власти сибирской деревни к началу XX в. К данным институтам отнесена сельская община, как основная ячейка сельского самоуправления, волостное самоуправление, которое было посредником между крестьянством, с одной стороны, и гражданскими властями, с другой стороны. Кроме того, представительство крестьянского мира в системе общественного управления выразилось в церковно-приходской жизни сибирской деревни.

Материалы и методы исследования. Историография проблемы сельской общины в России обширна. Вопросы общинного устройства волновали представителей самых разных направлений общественной мысли и политических партий. Причем чаще всего с точки зрения проблемы народного представительства. Отчасти поэтому институт общины представлен в разнообразной литературе слишком общим с позиции макропроблем: обладает ли община высоким жизненным потенциалом, обязательно ли она является препятствием технологическому прогрессу, способна

ли община стать строительной ячейкой социального государства и т.д.

Что же касается изучения региональных (в том числе сибирских) особенностей функционирования общины, а главное ее встроенности в формат административной централизации, то этот аспект оставался и остается малоизученным. Хотя попытки изучить сельскую общину в Сибири предпринимались еще в царский период. Существовала, к примеру, обширная программа исследования общины силами Императорского Русского географического и Вольно-экономического обществ [12]. Цель научного проекта была обозначена так: определить различные формы русской поземельной общины и их влияние на народную жизнь. Всего в программе было 160 вопросов самого разного свойства: не только землепользования и полеводства, платежей и повинностей, но и юридических отношений членов общины и взаимодействия общин между собою. В указанной программе определялся объект изучения, который во всей полноте формулировки используется нами: «Сельское общество выражает административную связь, как часть волости. Под земельной общиной должно разуметь союз крестьян в смысле общих прав земельного пользования. В Сибири сельское общество часто совпадает с общиной» [12, с. 1].

Источниковой базой нашего исследования стали документы Государственного архива Красноярского края. В первую очередь материалы сельских и волостных сходов. Прежде всего, Красноярского уезда: во-первых, он был наиболее населен, во-вторых, фокусировал наиболее характерные тенденции развития всего Сибирского региона. Также в исследовании рассматриваются документы церковных приходов, которые дают более полное представление по обозначенной проблеме. Ведь в реальной исторической практике российского государства сельский мир был нераздельно связан с православным миром, а община выходила за рамки только социально-экономического института. Важно, что

община и православный приход не просто совпадали территориально, а два мира (материальный, земледельческий и духовный, церковный) составляли единое пространство.

Результаты исследования и их обсуждение. Функционал сельской общины до определенного времени вполне устраивал центральные власти, поскольку важнейшей ролью общины являлось обеспечение податей и повинностей в пользу государства. Главными статьями раскладки податей и повинностей в Сибири были две: государственная оброчная подать и губернский земский сбор. Их распределение рассматривалось коллективно на сельских и волостных сходах, куда собирались представители от крестьянских домохозяйств. Органы волостного звена проводили раскладку суммы внутри волости, а сельское звено среди деревень и отдельных домохозяйств.

Главными критериями раскладки было имущественное положение крестьянского двора, то есть принцип разверстки налогов был приближен к современной подоходной системе. Учитывались количество десятин пашни, сенокосных паев, голов скота, лошадей и коров. Имело значение также количество «бойцов» – так в документах назывались взрослые мужчины-работники.

К примеру, общий принцип раскладки характеризует следующее решение Большемуртинского волостного схода в январе 1916 г.: «Сумму разложить между селениями волости по числу наличных бойцовских душ от 18 до 60 лет. Таким образом на каждого бойца падает 4 рубля 26 копеек» [2, л. 21].

Уравнительный принцип разверстки распространялся и на отбывание повинностей. Одной из самых обременительных из них была гоньба, то есть очередное дежурство на станциях волости для осуществления проезда лиц, имеющих право на пользование лошадьми бесплатно (чиновников, рассыльных почты и др.). В архивных фондах сохранились таблицы распределения гоньбы по селениям с указанием количе-

ства дней отбывания повинности в зависимости от числа «бойцов» [2, л. 19–20].

Как видим, порядок разверстки податей осуществлялся в соответствии с демократическим принципом налогообложения. При этом не забывалась ответственность для недобросовестных хозяев. В протоколах сельских сходов повсеместно присутствовала следующая запись: «За утайку количества голов скота и десятин пахотной земли, в случае если обнаружится таковая, взыскивать двойную плату противу разложенной раскладки» [3, л. 17]. Также по действующему положению при уклонении от сборов после трехкратного требования уплаты допускалось производить опись и продажу имущества.

Что касается причин недоимок, то можно согласиться с выводом современных исследователей Кузбасского региона, что «ссылные и переселенцы – вот основной контингент неплательщиков казенной деревни» [9, с. 267]. Ссылно-поселенцев в Енисейской губернии было также предостаточно: в селе Барабановское Красноярского уезда их числилось 43 % от общего числа мужчин и 25 % от женщин, в деревне Шиверская соответственно 51 и 38 %, в деревне Додоново – 51 и 25 % [14, с. 61].

Решали проблему долгов также соборно. В ряде случаев общество брало на себя выплату недостающей суммы. В приговоре Седельниковского схода 1904 г. читаем: «Посоветовавшись между собою, мы с общего нашего согласия единогласно приговорили: означенную сумму недоимки 426 рублей 60 копеек разложить по более состоятельным» [3, л. 51]. Но решение схода могло быть и иным. Приговор Мало-Бальчугского схода 1904 г.: «Имеем честь покорнейше просить Его Высокоблагородие Господина Крестьянского начальника рассрочить нам уплату таковой на несколько лет, так как мы положительно не в силах уплатить такую значительную сумму» [3, л. 46].

Кроме коллективного принципа в обеспечении государственных податей, сельский мир включал каждое домохо-

зяйство в формирование совместного бюджета (сельского и волостного) для содержания органов управления и местного хозяйства. Любопытно посмотреть роспись трат на основании даже одного крестьянского приговора: во-первых, потому, что они были в целом типичны для большинства мирских сходов; во-вторых, расходные статьи объективно свидетельствуют о действующих полномочиях волостных властей.

Приведем раскладку сумм на содержание волостного правления, принятого на волостном сходе села Большая Мурта в 1916 г.: «жалование волостному старосте – 100 р., его помощнику – 60 р., волостному заседателю – 80 р., волостному писарю – 900 р., помощникам волостного писаря – 2.400 р., канцелярские расходы – 100 р., выписку книг, бланков, газет – 300 р., на мелочные и непредвиденные расходы – 50 р., на очистку волостного двора – 50 р., на мытье полов и чистку печи – 50 р., освещение волостного правления – 100 р., наем двух рассыльных для правления – 288 р., для рассыльных становой пристава – 28 р., рассыльного при уездном управлении – 30 р., страховые платежи на волостные постройки – 50 р., для поездки депутатов на уездный съезд – 30 р.» [2, л. 21].

Трудно удержаться от желания представить информацию о своеобразном облике помещения волостного правления, которую дают имеющиеся описи инвентаря в них. Из детального реестра предметов Вознесенского правления в 1911 г. обратим внимания лишь на следующие: иконы (6) и лампы у икон (4); портреты Государя (2); столы (7); кресла, табуреты, стулья, шкафы; канцелярские принадлежности (чернильница, пресси-папье); печати и штемпели; кровать (1), диван (1); зеркало, часы, ящики для денег, самовар, лампы, подсвечники, железные печи; умывальник (1) и рукомойники (2); два револьвера, бочонок под керосин, тачка, лейка и др. [6, л. 65].

Возвращаясь к проблеме бюджетных средств институтов сельского управления, обратимся к его низовому звену – деревенскому, где в каждом крестьян-

ском обществе, состоящему из нескольких деревень, утверждались расходные статьи. Для примера используем довольно лаконичную раскладку Еловского сельского схода в 1907 г.: «жалование старосте – 25 р., книги, бланки – 10 р., жалование писарю – 180 р., жалование часовенному и читальщику – 25 р., сбор за помещение – 25 р., страхование общественных строений – 8 р., на содержание волостного правления – 56 р., 85 к.» [4, л. 2]. Имеются и более детализированные раскладки общих трат (отопление школы и церкви, плата сторожу сельского хлебного магазина и пр.), но все они связаны с текущей жизнью деревни, а потому единообразны для всех обществ. В решениях сходов часто фигурирует недешевая статья на содержание земской квартиры, которая служила гостиницей для служилых людей. Приговор Тюльковского сельского общества оценивал содержание земской квартиры в 1910 г. в 80 р. 40 к. [1, л. 7].

В задачи данного исследования не входит рассмотрение всесторонней деятельности волостных правлений. Но обсуждение темы волостной судебной системы представляется необходимым: как известно, правосудие является своеобразным маркером демократичности общества. Волостное судопроизводство заработало после реформ Александра II во второй половине XIX века, что было большим достижением в деле развития демократических институтов в деревне. По своему назначению волостной суд должен был обеспечить не только справедливое разбирательство, но и его доступность: и по времени (в пору весенне-осенней страды крестьянину было не до судебных дел), и по месту (судебные органы не только располагались в относительной близости к деревням, но нередко действовали как выездные).

Ценнейший материал по оценке волостного судейства мы находим в работе юриста М.М. Дубенского, который подробным образом изучил современное ему волостное судопроизводство в Красноярском округе. Им были обследованы 7 волостных судов с 1883 по 1890 г. За это

время волостные суды открыли 7 171 дело, подразделяемые автором на две основные категории: тяжёбые и по проступкам.

Прежде всего, интересуют преобладающие правонарушения и основной круг истцов по ним. По тяжёбым делам преобладали иски по долговым и денежным обязательствам (43 %), споры по исполнению других договоров и обязательств (23,6 %), иски о вознаграждении за вред и убытки (18 %), о праве собственности на имущество (10,4 %), споры о земельных угодьях (5 %) [8, с. 14]. Дела о проступках, которых было практически столько же, сколько тяжёбных, были разнообразны: нарушение общественной тишины и спокойствия, буйство, праздничатательство и нищенство, картежная игра, неосторожное обращение с огнем, непочтение к родителям, прелюбодеяние, угроза, клевета, кража, нанесение ран, увечий, побоев, необъявление находки, мошенничество.

Волостной суд был действительно исключительно крестьянским: 97,8 % судящихся были крестьяне или ссыльнопоселенцы. Интересно, что женщины проявляли инициативу обращения в суд по тяжёбым делам крайне редко, а по проступкам в $\frac{1}{5}$ случаях. М.М. Дубенский комментирует это так: «женщины дают почти все число истцов в делах о разных оскорблениях – действием, словами, клеветой: мужчины в этом отношении обижаются гораздо реже» [8, с. 10]. Эта статистика не очень вяжется с образом забитой и бессловесной крестьянки начала XX века. Ответчиц женщин было немного – 8,2 %. И что также немало важно: почти треть дел (30,4 %) инициировалась местной (волостной или сельской) администрацией: неплатеж податей, незаконная отлучка, за то, что не привязывают собак, не разбирают летом соломенных крыш, сваливают навоз в неподходящих местах. То есть волостной суд удовлетворял интересы не только местного населения, но и местной администрации.

В типологии системы судопроизводства принципиальное значение имеет

наказание, которое может соответствовать (или не вполне) принципам демократического судопроизводства. В рассматриваемый период, кроме широко распространенных штрафов и денежных возмещений ущерба, активное применение имело телесное наказание по уголовным делам. М.М. Дубенский пишет, что «из каждой сотни признанных виновными ответчиков избегали розги или ареста только 18 %», причем розга была на первом месте (для более 1/3 ответчиков по уголовным делам) [8, с. 10]. Он даже отметил укоренившееся у юристов убеждение, что с сибирским мужиком ничего без розги и чижовки не поделаешь (чижовкой называли теплое помещение волостной тюрьмы).

Безусловно, данная практика применения телесных наказаний не вписывается в наш тезис о жизнеспособности и развитии демократических институтов в русской деревне. Однако, во-первых, процесс либерализации уголовных наказаний развивался поэтапно и вступил в активную стадию только во второй половине XIX века; во-вторых, следует сделать поправку на специфику общественной жизни сибирской деревни, а именно на огромное количество ссыльнопоселенцев, нравственная физиономия которых (термин Дубенского) оставляла желать лучшего. Хотя средняя цифра телесно наказанных крестьян за указанные 7 лет была немалой – 35 % от общего числа. Применялось данное наказание главным образом к уклонистам хлебного и податного взноса. Последнее есть показатель неизбежного противоречия интересов государственной и крестьянской властей в пользу державной.

Демократизм в уголовно-исправительном праве, как известно, выражается многосторонне. Поэтому, резюмируя данные М.М. Дубенского относительно принципов ведения конкретных дел, обратим внимание на ряд сторон деятельности волостных судов в Енисейской губернии:

- Принцип гласности ведения судопроизводства соблюдался. На заседания могли являться кто угодно (включая

женщин и детей), насколько это позволяли размеры помещения. Даже существующий запрет присутствия на заседании волостного старшины и старосты на практике игнорировался.

- Как указывает юрист, «отступление от принципа устности, отчасти непосредственности если и встречаются, то вследствие когда кто-либо из свидетелей не может по законной причине явиться в суд лично» [8, с. 44].

- Использовалась разнообразная система доказательств преступления: допросы, свидетельские показания, осмотр места происшествия (например, при переделе угодий), экспертиза и др.

Таким образом, поддержать встречающееся мнение о тотально низкой компетентности волостного судопроизводства трудно. Об этом же говорят данные об удовлетворенности решениями суда: неосновательными были признаны только 13 % решений [8, с. 21]. М.М. Дубенский заключает: «Если же бывают неправильности по определению подсудности по лицам и по цене иска, то эти неправильности редки и не имеют почти никакого значения» [8, с. 35].

Хотя проблем, конечно, было немало. Скажем, в плане единообразия приговоров по одним и тем же проступкам. В качестве примера: в Вознесенском волостном суде за кражу гуся присудили возмещение ущерба в 2 рубля, а в Зелеевском суде за кражу курицы 35 копеек плюс 20 ударов розгой.

И все же тренд на гуманизацию и либерализацию судопроизводства в сельской местности очевиден. Обращает внимание стремление волостных судов примирить стороны. Или найти компромисс, например, по распространенным искам об оскорблениях: если устанавливалось, что ругань или драка была взаимной, то либо освобождали от ответственности обе стороны, либо обеих наказывали. Или стремление судов соблюсти баланс интересов. Часто, признав иск справедливым, суд удовлетворял его только в половинном размере, исходя из нравственных мотивов: например, если убытки были причинены по неосторож-

ности, то и «грех пополам» (терминология тогдашних приговоров).

Обширный материал по оценке местного самоуправления обнаруживается в материалах их ревизий со стороны губернских властей. В 1890 г. новый генерал-губернатор Восточной Сибири А.Д. Горемыкин лично провел осмотр волостных управлений в Иркутской и Енисейской губерниях. В последней было проверено состояние дел в 18 правлениях. В архивных фондах сохранилась записка по итогам этих ревизий, которая позволяет дополнить исследуемую проблему выводами влиятельного представителя гражданской власти.

Прежде всего, отмечалось плохое делопроизводство. Имелось в виду ненадлежащее ведение книг и журналов (их было 22 наименования): даты не указаны, много неточностей, листы не прошнурованы и не пронумерованы. В беспорядке было найдено хранение документов: «архивы некоторых волостных правлений представляют просто хаос» [5, л. 13]. Ревизия установила плохое делопроизводство в том числе и волостных судов. И цитата: «качество волостных судей низкое» [5, л. 8]. Главным признаком низкой эффективности считалось большое число нерассмотренных жалоб и масса не приведенных в исполнение решений. Губернаторская ревизия показала, что в большинстве волостных правлений вообще отсутствовали книги на записку жалоб, заявляемых словесно, а потому цитируем: «невозможно даже приблизительно определить того количества жалоб, которые на самом деле принесены волостному суду, а им еще не рассмотрены» [5, л. 9]. Даже при регистрации жалоб отмечалась небывалая волокита: например, по Вознесенкой волости было принято 317 жалоб, а рассмотрено из них 140, то есть 44 % [5, л. 9]. Другим минусом было неисполнение вынесенных приговоров. По Погорельской волости с начала 1887 по июнь 1890 г. не было приведено в исполнение более половины всех решений [5, л. 10]. Правда, основная задача исполнения приговоров была на сельских старостах,

так что в данном случае не срабатывало низшее звено крестьянского самоуправления. Критику вызвала губернаторская проверка и в сферах содержания богаделен, а также опекунского дела среди крестьян, которые были признаны крайне неудовлетворительными.

Неизбежно и естественно возникали противоречия между разными уровнями власти. Как уже говорилось, интересы их могли не совпадать, и возникала весьма распространенная в России практика игнорирования административной власти со стороны крестьянского мира. Примером может служить состояние сельских магазинов в Енисейской губернии. Идея содержания сельских запасных магазинов, представлявших собой склады хлеба на случай неурожая, голода или нехватки посевного фонда, возникла в России еще при Петре I. Однако, несмотря на требования властей, содержание магазинов сельскими обществами, по сути, бойкотировалось. В документах ревизий мы находим частые замечания на то, что ярлыки и надписи на хранимом зерне не соответствовали году урожая. Как указано в обследовании складов в 1891 г. окружным исправником, год урожая стоит 1890, а «овес и ячмень большей частью по осматриваемым магазинам оказался затхлым» [5, л. 101]. Сами помещения для хранения зерна были либо малы, либо ветхи. Ясно, что устройство и содержание магазинов казалось крестьянам обременительным и бесполезным, и они вели себя в этом вопросе независимо от администрации.

Другим примером, когда миряне представляли без внимания решения вышестоящих органов, был весьма волнующий вопрос о дроблении домохозяйств на несколько самостоятельных семейств. Специальным циркуляром МВД местные власти призывали к контролю над подобными случаями, требуя допускать это с величайшей осторожностью. Тем не менее, в отчете о результатах ревизии читаем: «разрешенных сельскими сходами разделов весьма немного, самовольных разделов несравненно более» [5, л. 16].

Самодеятельность сибирской общины проявилась и в церковной жизни деревни. Уже сама процедура открытия церковного прихода и строительства сельской церкви начинались в консистории епархии по инициативе сельского общества. Кроме приговора сельского схода о желании иметь церковь, для архипастырского благорассмотрения требовалось так называемое «показание», которое заверялось подписями всех присутствующих на сельском сходе и печатью сельского старосты, где тщательно излагались обязанности сельского общества по строительству и содержанию будущего храма.

Свобода предоставлялась общине даже в определении архитектурного проекта будущей постройки. Для этого существовали альбомы типовых проектов церквей: в 1853 г. в столице был издан «Атлас проектов церквей сельских построек». Примечательно, что сибиряки долгое время игнорировали существующее еще со времен Павла I распоряжение о предпочтении каменных храмов деревянным храмам. В отличие от Европейской России, деревянное церковное зодчество в Сибири оставалось преобладающим весь XIX век. Дерево было более дешевым и доступным материалом, постройка возводилась достаточно быстро и согреть деревянный храм в суровые сибирские зимы было легче.

На основе изучения архивных источников можно свидетельствовать, что община воспринимала церковную собственность, как коллективное владение. Для содержания храма жители избирали ответственных: церковного старосту, помощников настоятеля (трапезников, сторожей). Хотя самостоятельность приходов в Российской империи после реформ Петра I заметно снизилась, церковный староста оставался центральной фигурой в системе храмопечения. Не случайно в компетенцию органов МВД входило утверждение приходского старосты на должность. В его функции входили сбор денег и прием различных сумм в церковную кассу, включая контроль за свечными доходами; приобретение всего необ-

ходимого для церкви; наблюдение за исправным состоянием церковного здания и утвари; надзор за дисциплиной и порядком среди прихожан.

На плечи крестьянской общины возлагалось также материальное содержание церковного клира: священника, дьяконов, пономарей, просфорней. Государственное жалование для клириков появилось только при Николае I и было достаточно скудным, поэтому община обязывалась участвовать в материальной поддержке священнослужителей. Кроме денежных средств, которые формировались также на основе коллективной раскладки между домохозяйствами, общинники вносили натуральные взносы: например, вплоть до начала XX века в Сибири собиралась церковная хлебная руга. Так, жители деревень в Частоостровской волости Красноярского уезда выделяли в месяц священнику 20 пудов зерна, псаломщику – 7, просфорне – 2 пуда [14, с. 33].

Крестьяне осуществляли также добровольную трудовую повинность: строительство, ремонт, благоустройство и прихрамовой территории, строительство домов для священников, оплату квартир для дьяконов и псаломщиков, содержание кладбищ и пр.

Не вызывает сомнения, что традиции сельской демократии проявились в церковной жизни не в меньшей степени, чем в сфере социально-экономических отношений. Приходская жизнь и жизнь общины существовали в едином формате организационных и уставных норм. В этой связи немалый интерес представляет практика проведения православных праздников в сибирской деревне.

Богатый материал о сибирских православных праздниках содержит дореволюционное издание А.А. Макаренко [11]. Наиболее значимыми и торжественными у православных являются так называемые «двунадесятые» праздники каждого года, имеющие наименование от числительного «двенадцать»: Пасха, Рождество Христа и Богородицы, Богоявление и т.д. Их чествования были в целом единообразными для всех регионов России, так

как основывались на особом богослужебном чине Русской православной церкви. Но, помимо двенадцатых праздников, в сибирской деревне были распространены местночтимых даты, связанные с почитанием святых. Эти даты отмечались сельскими обществами наравне с двенадцатыми. И, что особо интересно, их выбор отражал волеизъявление и историческую традицию отдельной общины. Ценный источник по изучению региональных особенностей православных праздников мы имеем, благодаря проведенному в 1892 г. сбору сведений с сельских приходов Енисейской губернии для енисейского епископа уже в ответ на официальный запрос губернских властей.

Многие праздники устанавливались настолько давно, что сами жители уже не могли толком объяснить, с чем связано особое почитание памятных событий. Например, священник Ладейской Пророко-Ильинской церкви сообщал, что, кроме принятых праздников, в его приходе сугубо отмечается день 6 ноября в честь святого Варлаама Хутынского. Поразительно, что преподобный из Великого Новгорода жил в XII в., где его житие было очень известным, то есть не иначе как от первых переселенцев в Сибирь, среди которых было много людей с русского Севера, сохранилось особое поклонение новгородскому чудотворцу.

А жители с. Большая Мурта отмечали девятую пятницу после Пасхи в честь великомученицы Параскевы Пятницы. И хотя день памяти святой в церковном календаре значился 28 октября по старому стилю, жители отмечали его по-своему. Как писал в рапорте местный священник, «почему и когда началось сие празднование именно в девятую пятницу, а не вышеозначенное число, никто не помнит». Причем батюшка указывал, что «неоднократно предлагал перенести празднование на тот день, когда положено в честь ее преславной памяти, но успехи наши и донныне остаются непреодолимы и к богослужению в означенное число собирается молящихся очень мало» [14, с. 70].

Другая не менее примечательная особенность деревенских православных праздников в Сибири – это разнообразие и даже неповторимость в выборе особо чтимых дат или особо чтимых святых угодников. Так, жители Частоостровской волости, кроме праздника Пасхи и Параскевы Пятницы, особо чтили в с. Барабаново Преображение Господне и день Михаила Архангела; в деревнях Додоновой и Карымской – дни Дмитрия Солунского, а также Михайлов день (памяти Архангела Михаила). В Шиверской выделяли Знамение Богородицы и день святого пророка Илии. Фактически у каждой общины был свой местночтимый, а чествовали его не только всей общиной, но соборно с другими. За что праздники именовались «съезжими». Кстати, именно последнее тревожило губернские власти, затребовавшие рапорты у епископа о практике проведения сельских праздников на предмет, как им казалось, чрезмерного винопития.

Заключение. Россия, благодаря институту общины и волостному управлению, сохраняла модель общественного самоуправления в условиях административной централизации. В высшей степени это относится к Сибирскому региону, где присутствовали важнейшие компоненты демократического мироустройства:

- Экономический суверенитет, который выражался в коллективном землепользовании, и одновременном сохранении свободы и хозяйственной инициативы личного хозяйства. Экономическое исследование А.А. Кауфмана доказывало также, что коллективистские устои сибирской общины не противоречили аграрному прогрессу: сообщалась «расчистка некультурных земель и обращение их в пашню, осушка пахотных земель канавами и постройка плотин для защиты от наводнений» [10, с. 253].

- Демократическое представительство при решении текущих вопросов жизни: участие в сельских сходах представителей всех домохозяйств с равным правом голоса. Засвидетельствование каждого голоса в протоколах сходов (к

сожалению, это делал сельский писарь по причине почти поголовной неграмотности крестьян). Низкая грамотность, как тормоз развития институтов сельской демократии, – это отдельная проблема.

- Выборность, как основной принцип формирования руководящего звена не только гражданской, но и церковной власти. Скажем, в выборах благочинных, которые выступали посредниками между церковным приходом и епархиальными властями, участвовали не только клирики, но и миряне.

- Развитие института волостного судопроизводства, которое делало первые шаги и, соответственно, имело нема-

ло проблем. Тем не менее, это свидетельствовало о расширении границ самоуправления.

Крестьянство в России имело собственную парадигму общественного развития, и она была демократической. Это показали все революции в Российской империи. Равно как и последовавшая гражданская война, в которой крестьяне представляли третью силу, кроме «белых» и «красных». Однако, не имея необходимых организационных форм, а главное компетентных идейных лидеров, они пошли за советской властью, в которой для них было ключевое слово «Советы», то есть народоправие.

Список источников

1. Государственный архив Красноярского края (ГАКК). Ф. 6 (Крестьянский начальник 4-го участка Красноярского уезда крестьянского отделения Енгубуправления). Оп. 1. Д. 2.
2. ГАКК. Ф. 6. Д. 56.
3. ГАКК. Ф. 7 (Уездный съезд крестьянских начальников Енгубуправления). Оп. 1. Д. 5.
4. ГАКК. Ф. 7. Д. 25.
5. ГАКК. Ф. 12 (Красноярское окружное по крестьянским делам присутствие). Оп. 1. Д. 9.
6. ГАКК. Ф. 244 (Александровское волостное управление). Оп. 1. Д. 26.
7. *Андюсев Б.Е.* Сибирское краеведение. Хозяйство, быт, традиции, культура старожилов Енисейской губернии XIX – начала XX в. Красноярск, 2006. 336 с.
8. *Дубенский М.* Очерк деятельности волостного суда в Восточной Сибири. Иркутск, 1893. 64 с.
9. *Карпинец А.Ю., Леухова М.Г., Пьянов А.Е.* Подати и повинности крестьянского населения Кузбасского региона в период 1880-х – начала 1890-х годов // Научный диалог. 2019. № 7. С. 258–271.
10. *Кауфман А.А.* Крестьянская община в Сибири: по местным исследованиям 1886–1892 гг. СПб., 1897. 278 с.
11. *Макаренко А.А.* Сибирский народный календарь в этнографическом отношении. Восточная Сибирь. Енисейская губерния. СПб., 1913. 293 с.
12. Программа исследования сельской общины в Сибири. Омск, 1897. 46 с.
13. *Чупров А.А.* Уничтожение сельской общины в России // Вопросы экономики. 2010. № 10. С. 135–146.
14. *Шушканова Е.А.* Церковь Святой Параскевы села Барабановское Енисейской губернии в контексте сибирской истории (вторая половина XIX – XX в.). Красноярск, 2019. 146 с.

References

1. Gosudarstvennyi arkhiv Krasnoyarskogo kraia (GAKK). F. 6 (Krest'yanskii nachal'nik 4-go uchastka Krasnoyarskogo uezda krest'yanskogo otdeleniya Engub-upravleniya). Op. 1. D. 2.
2. GAKK. F. 6. D. 56.
3. GAKK. F. 7 (Uezdnyi s"ezd krest'yanskikh nachal'nikov Engubupravleniya). Op. 1. D. 5.
4. GAKK. F. 7. D. 25.
5. GAKK. F. 12 (Krasnoyarskoe okruzhnoe po krest'yanskim delam prisutstvie). Op. 1. D. 9.
6. GAKK. F. 244 (Aleksandrovskoe volostnoe upravlenie). Op. 1. D. 26.
7. *Andyusev B.E.* Sibirskoe kraevedenie. Khozyaistvo, byt, traditsii, kul'tura starozhilov Eniseiskoi gubernii XIX – nachala XX v. Krasnoyarsk, 2006. 336 s.
8. *Dubenskii M.* Ocherk deyatelnosti volostnogo suda v Vostochnoi Sibiri. Irkutsk, 1893. 64 s.
9. *Karpinets A.YU., Leukhova M.G., P'yanov A.E.* Podati i povinnosti krest'yan-skogo naseleniya Kuzbasskogo regiona v period 1880-kh – nachala 1890-kh godov // Nauchnyi dialog. 2019. № 7. S. 258–271.
10. *Kaufman A.A.* Krest'yanskaya obshchina v Sibiri: po mestnym issledovaniyam 1886–1892 gg. SPb., 1897. 278 s.
11. *Makarenko A.A.* Sibirskii narodnyi kalendar' v ehtnograficheskom otno-shenii. Vostochnaya Sibir'. Eniseiskaya guberniya. SPb., 1913. 293 s.
12. Programma issledovaniya sel'skoi obshchiny v Sibiri. Omsk, 1897. 46 s.
13. *Chuprov A.A.* Unichtozhenie sel'skoi obshchiny v Rossii // Voprosy ehkonomiki. 2010. № 10. S. 135–146.
14. *Shushkanova E.A.* Tserkov' Svyatoi Paraskevy sela Barabanovskoe Enisei-skoi gubernii v kontekste sibirskoi istorii (vtoraya polovina XIX – XX v.). Krasnoyarsk, 2019. 146 s.

Статья принята к публикации 5.07.2024/
The article has been accepted for publication 5.07.2024.

Информация об авторе:

Елена Александровна Шушканова, доцент кафедры философии и социальных наук, кандидат исторических наук, доцент

Information about the authors:

Elena Aleksandrovna Shushkanova, Associate Professor at the Department of Philosophy and Social Sciences, Candidate of Historical Sciences, Docent

